

ГЕОКУЛЬТУРА**Олег КУЗНЕЦОВ**

*Кандидат исторических наук,
проректор по научной работе Высшей школы
социально-управленческого консалтинга (Институт)
(Москва, Российская Федерация).*

**НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ:
«СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»?**

**Как теория Самюэля Хантингтона
объясняет культурологическую
суть конфликта
вокруг Нагорного Карабаха**

Резюме

Статья посвящена рассмотрению различных идеологических и этнопсихологических аспектов нагорно-карабахского конфликта в контексте теории «столкновения цивилиза-

ций» С. Хантингтона и предлагает культурологический анализ причин, мотивов и движущих сил армяно-азербайджанского противостояния и их влияния на перспективы мирного урегулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Нагорный Карабах, Самюэль Хантингтон, теория «столкновения цивилизаций», Азербайджан, Армения, Арцах, диаспора, мирное урегулирование.*

В в е д е н и е

Самюэль Филлипс Хантингтон (1927—2008), безусловно, относится к числу выдающихся общественных и политических мыслителей Новейшего времени. Его теоретический вклад в понимание современных геополитических процессов огромен. Разработанная и обоснованная им теория «столкновения цивилизаций», концепция которой изначально была сформулирована им в статье «The Clash of Civilizations?», опубликованной в 1993 году в американском политологическом журнале «Foreign Affairs»¹ (на русском языке — «Столкновение цивилизаций»²), а затем систематически переработанная и оформленная в историко-философском трактате «The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order»³ («Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка»), увидевшем свет в 1996 году (на русском языке книга вышла в 2003 г. под названием «Столкновение цивилизаций»⁴), представила идеальную модель и реальную возможность для полноценного осмысления и непредвзятого осознания истоков, сути и перспектив развития абсолютного большинства региональных (локальных) войн и конфликтов последней четверти XX века, к которым относится и нагорно-карабахский конфликт.

Как ни странно, за четверть века открытого противостояния Армении и Азербайджана на землях Нагорного Карабаха и прилегающих к нему районов политологи двух враждующих стран и наций так и не удосужились применить теорию Хантингтона при анализе истоков, природы и возможных последствий данного конфликта с позиций цивилизационно-культурологического подхода, хотя имели для этого все возможности. По крайней мере, нам не известно ни одного политологического исследования (не говоря уже о диссертационной работе) такого рода, изданного в последние два десятилетия на русском языке, которое в контексте теории Хантингтона отражало бы позицию армянской или азербайджанской стороны относительно карабахской войны 1991—1994 годов и последовавших за ней событий в этом регионе. По нашему мнению, такое положение дел может быть объяснено двояко: или ни у одной из сторон за все это время так и не нашлось человека, способного осуществить такой анализ, или сделанные в ходе подобной работы выводы оказались такими «неудобными» для каждой из сторон, что их по соображениям политического престижа государства нельзя было обнародовать.

Тем не менее мы постараемся заполнить эту лауну...

Нагорный Карабах: «война на линии разлома»

Думаю, что ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что нагорно-карабахский конфликт — это конфликт двух антагонистичных цивилизаций: армянской и азербайджанской, — хотя радикальные представители армянской националистически настроенной интеллигенции сегодня активно оспаривают подобную точку зрения, отказывая азербайджанскому этносу в праве на национальную самоидентификацию как самобытному социальному организму и именую его «кавказскими турками». Такая точка зрения в принципе не нова и во многом перекликается с позицией официальных властей Российской империи столетней давности, отказывав-

¹ См.: *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*, Summer 1993, Vol. 72, No. 3. P. 22—49.

² См.: *Хантингтон С.Ф.* Столкновение цивилизаций? // *Полис*, 1994, № 1 [<http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>].

³ См.: *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996.

⁴ См.: *Хантингтон С.Ф.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

шихся на рубеже XIX и XX столетий видеть в азербайджанцах самостоятельный этнос и упорно именовавших его представителей не иначе как «закавказскими татарами». Собственно, сам факт отказа частью армян азербайджанскому этносу в праве на самостоятельное существование как раз и является самым лучшим доказательством того, что противостояние двух народов носит ярко выраженный цивилизационный, или культурно-идеологический, а не социально-экономический и государственно-политический характер.

В терминологии С.Ф. Хантингтона нагорно-карабахский конфликт является «войной по линии разлома». Характеристике таких конфликтов посвящены 10 и 11 главы его трактата. От себя добавим, что по многообразию причин и множественности отправных точек данный конфликт превосходит все остальные локальные конфликты и вялотекущие региональные войны современности (например, многолетнее противостояние между христианами юга и мусульманами севера Судана или столь же продолжительное арабо-израильское противостояние на Ближнем Востоке). Глубина «линии разлома» между сторонами конфликта в Нагорном Карабахе не сопоставима с той, которая бывает свойственна стереотипному межгосударственному или межнациональному конфликту, к числу которых вполне могут быть отнесены Афганская война СССР 1979—1989 годов, англо-аргентинская (Фолклендская) война 1982 года или даже операция многонациональных коалиционных сил в Персидском заливе против Ирака «Буря в пустыне» 1991 года: разлом много глубже, чем может показаться на первый взгляд, а сам конфликт определяется ни одним или двумя, а гораздо большим числом факторов, о которых речь пойдет ниже.

В основу своей теории Хантингтон положил тезис о том, что главной движущей силой межцивилизационных конфликтов в ближайшие десятилетия станет религиозный фактор. В этом он отчасти прав, но только до той поры, пока сравнивает нынешнее «столкновение религий» с предшествующей ей эпохой «столкновения идеологий» второй — четвертой четвертей XX столетия, но не более. Глобальные религиозные войны в истории человечества присутствовали всегда и чаще всего проходили по линии противостояния мира христианства и мира ислама (сюда относятся и крестовые походы XI—XV вв., и Реконкиста в Испании VIII—XV вв., и войны османов в Южной и Восточной Европе XIV—XVII вв.). Однако это не означает, что в межгосударственных войнах внутри христианской или исламской цивилизаций религиозный фактор отсутствовал напрочь: в частности, крещение прибалтийских народов в XIII веке имело характер крестового похода, военные набеги шведских и тевтонских рыцарей против областей Северо-Западной Руси 1240—1242 годов несли на себе православно-католическое противостояние за гегемонию в восточной Прибалтике, войны эпохи Реформации в Европе между католиками и протестантами продолжались с перерывами более века, война за право халифата между персами и османами также велась несколько десятилетий. Религиозный подтекст или религиозная окраска войн в целях маскировки экономических претензий всегда присутствовали в истории человечества, поэтому мы не можем сводить суть нагорно-карабахского конфликта к одной только религиозной войне армян-христиан против своих исконных врагов турок-мусульман, как это делают идеологи армяно-азербайджанского противостояния из числа активистов АРФ «Дашнакцутюн», относя к числу последних и всех азербайджанцев.

Восприятию нагорно-карабахского конфликта как сугубо христианско-мусульманского религиозного противостояния существенным образом мешают два обстоятельства, осознание и понимание которых существенным образом определяет и характеризует глубинные истоки цивилизационного армяно-азербайджанского противостояния.

- Во-первых, с момента своего провозглашения в 1918 году Азербайджанская республика всегда позиционировала себя как светское государство, опередив в этом не только Турецкую республику, но и остальные страны исламской ойкумены. Мусульманский религиозный фактор в жизни Азербайджана и азербайджанцев на протяжении всего XX столетия если и играл какую-то роль, то скорее культурологическую,

а не политическую, и потому не мог оказывать влияния на государственную жизнь этноса. Как следствие, современный азербайджанский вариант светского «неполитического» ислама характеризуется лояльностью, толерантностью и полной неконфликтностью с иными религиями и культурами, что качественно отличает его от «арабско-магрибского» политического ислама, являющегося в последние десятилетия источником войн, насилия и ненависти на Ближнем Востоке, в Северной Африке, а в последние годы — и в странах Западной Европы.

- Во-вторых, армянский этнос на протяжении последних ста лет также создавал свою страну в ее нынешнем виде отнюдь не на религиозных канонах официально декларируемого монофизитского христианства, чаще обращаясь к языческим корням своей национальной ментальности. В середине XIX столетия культы языческих божеств Ваагна, Мигра, Анагиды и легендарного прародителя армян Айка, заключившего завет с верховным божеством Аром, от которого получил жезл власти и силы, в духовной и общественной жизни армянского этноса мирно соседствовали и уживались с близкой по атрибутике христианской армяно-григорианской религиозной обрядовостью, что нашло свое отражение в трудах многих российских историков и этнографов, писавших в то время о Кавказе⁵. Это объясняется тем, что на всем протяжении времени рассеяния армян в мусульманской ойкумене Армянская Апостольская Церковь традиционно играла роль административного инструмента во взаимоотношениях армян с властями титульных народов стран их проживания, была частью установленного миропорядка и де-факто поддерживала зависимое положение армян от мусульманских народов. В силу этого обстоятельства она объективно не могла быть не только революционной, но даже сколько-нибудь эволюционной движущей силой процесса армянской национальной самоидентификации — та должна была строиться на принципиально отличных от армяно-григорианской религиозной идеологии началах.

Политическое самопознание и самоопределение армян в конце XIX и на всем протяжении XX столетия формировалось на основе традиционалистского язычества или неоязычества, но никак не христианской морали и этики. Особенно интенсивно этот процесс происходил в годы советской власти, и не без поддержки со стороны властных структур Армянской ССР, для которых легенды о «Великой Армении», «Древнеармянском царстве», «Армянском государстве Урарту» и иные измышления, не имеющие под собой научной доказательной базы, были не чем иным, как козырными картами в идеологической борьбе с идеологами армянской диаспоры в странах буржуазного и «третьего» мира. Для них Советская Армения представляла собой реинкарнацию «Великой Армении», центр притяжения армянства всего мира. Учитывая антиклерикальный характер государственной идеологии СССР и АрмССР, Армяно-Григорианская Церковь при советской власти в принципе не могла играть роль идеологического центра объединения армянского этноса, а поэтому в качестве архетипической подосновы идеологии объединения армян мира под красным флагом Союза ССР «разрешенно» могли использоваться только языческие легенды и мифы предков современных армян или протоармян, точки зрения социальной эволюции человеческой цивилизации, соответствующие архетипам общественной идеологии периода родоплеменных отношений⁶. Оттого религиозная «линия разло-

⁵ См., например: *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. В 8-ми тт. Т. 2. СПб, 1871. С. 409—410.

⁶ Предполагая, что данное утверждение может вызвать негативную реакцию со стороны армянской научной общественности, следует сразу же дать ему дополнительный комментарий: античный мир Юго-Восточной Европы и Передней Азии, равно как и эллинистический мир Средиземноморья, имели ярко выраженное языческое мировосприятие, что не помешало создать на его социальной основе первые империи мира — начиная от Македонского царства Александра Филиппа и заканчивая Римской империей Августа Цезаря и Октавиана Августа. Язычество на ранних этапах развития человеческой цивилизации являлось такой же государствообразующей идеологией как

ма» между армянами и азербайджанцами в нагорно-карабахском конфликте гораздо более глубокая и непреодолимая, чем может показаться на первый взгляд, так как пролегает она не на религиозном или конфессиональном, а на ментально-мировоззренческом уровне.

Следовательно, вполне определенно можно говорить о том, что интеллектуальный базис идеологического компонента нагорно-карабахского конфликта лежит не в плоскости исламско-христианских противоречий, а в глубинных пластах миропонимания, выходящих за рамки канонической традиции основных мировых религий современности. В основе политической идентичности современного армянского этноса лежат отнюдь не нравственные законы и каноны армяно-григорианского исповедания, а легенды и мифы дохристианского времени. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть материалы и оформление электронных интернет-ресурсов, создаваемых в контексте армянского Интернационала, или Ай Дата, и находящихся под идеологическим влиянием экстремистских лозунгов Армянской революционной фракции «Дашнакцутюн». В Рунете — русскоязычном сегменте Интернета — типичным образчиком такого рода ресурсов является сайт www.k4500.com, работающий под лозунгом «Знать! Уметь! Сметь!», введенном в практику политической деятельности АРФ «Дашнакцутюн». Там нет ни слова о Христе, Его жертве на кресте во имя спасения человечества, Евангелии, христианстве вообще, а основной смысловой акцент даже в визуализации делается на Аре — божестве-творце мира, Ваагне — армянском божестве мощи и войны, Айке — прародителе армян, получившем от Ара жезл власти, и на битве между Айком и Бэлом, царем Вавилона, состоявшейся 11 августа 2492 года до н.э. на восточном берегу озера Ван, Вайоцзоре. Все это позволяет нам вполне уверенно говорить о том, что политическое самосознание современного армянского этноса крайне удалено от публично декларируемого общехристианского или армяно-григорианского религиозного самосознания.

Из сказанного можно сделать следующий вывод: или армяне на протяжении всей своей истории никогда не были христианами в каноническом понимании данной дефиниции, и Армянская Апостольская Церковь на протяжении всей истории своего существования являлась лишь ширмой для сокрытия от глаз мусульман (а с XIX столетия — еще и православных) исконного национального язычества, или политически активная и экстремистски настроенная часть современного армянского народа, разочаровавшаяся в способности этой церкви воплощать в себе и выражать в полном объеме духовные запросы и чаяния этноса, обратилась в неоязычество, стала апеллировать к языческим архетипам национального самосознания, формируя на их основе свою политическую идеологию. Мы не можем гарантировать полную достоверность того или иного тезиса, так как каждый из них имеет свою систему аргументации. Но если верен второй, то обращение к идеологии неоязычества свидетельствует о крайней степени психологической агрессивности нынешнего политического истеблишмента армянского этноса, сравнимой с той, которая была свойственна нацистскому руководству Третьего рейха в 1930-х годах, но с той только разницей, что коллективно детерминированным объектом агрессии для нацистов выступали евреи, а для армян — турки (даже азербайджанцев идеологи современного армянского национализма именуют не иначе как «кавказскими турками»). В связи с этим озабоченность вызывает не факт того, что армяне все более впадают в неоязычество (к сожалению, данная тенденция свойственна многим народам современности), а та экзальтация, с которой они делают это и которая уже была в новейшей истории (примером чего является ходжалинская резня) и может стать вновь причиной новых геополитических потрясений.

Армянский бог мощи и войны Ваагн, культ которого сегодня доминирует и активно культивируется во внутрипартийной идеологии АРФ «Дашнакцутюн» и неразрывно с ней связан

впоследствии христианство и ислам. Даже святой равноапостольный князь Владимир — великий князь Киевский Владимир Святославович — незадолго до крещения Руси в 988 году предпринял попытку создания единого Древнерусского государства на языческих мировоззренческих основах, установив для восточных славян в 980 году единый (канонический) пантеон богов, начиная от Перуна и заканчивая Симарглом.

ного Ай Дата — всемирного армянского Интернационала, по своему написанию и произношению тождественен общесемитскому Баалу, в христианской традиции — брату Сатаны, отправшему вместе с ним от Бога-Отца. Если рассматривать армянское неоязычество в таком контексте, то нагорно-карабахский конфликт приобретает с культурологической точки зрения вполне эсхатологические черты, вплоть до предтечи Страшного суда, и в этом конфликте азербайджанская сторона (опять же с позиции христианской или исламской метафизики) является стороной Света, тогда как армяне олицетворяют собой сторону Зла. Однако вполне возможна и диаметрально противоположная интерпретация метафизических истоков армяно-азербайджанского противостояния с позиции мировосприятия армянского язычества, в контексте которого все мусульмане отождествляются с вавилонским тираном Бэлом, убитым Айком, прародителем армян (что в общих чертах соответствует фабуле и контексту ветхозаветной истории о сотворении и разрушении Вавилонской башни). В этом случае мы также сталкиваемся с метафизикой на грани эсхатологии, но со сменой полярности знаков: армяне олицетворяют собой Свет, а турки и азербайджанцы — Тьму.

Как бы то ни было, но если учитывать этот аспект, то цивилизационный конфликт вокруг Нагорного Карабаха выходит далеко за рамки традиционной хантингтоновской «войны на линии разлома» между двумя современными мировыми религиями и приобретает для каждой из сторон пафос вселенской борьбы между силами Добра и Зла, участвуя в которой, каждая из них видит и понимает себя орудием Добра. Причем в этом случае архетипичность ментальности армян играет куда более существенную роль в сравнении с религиозной ментальностью азербайджанцев, которые в силу традиционной «светскости» своего мировоззрения сегодня более склонны воспринимать нагорно-карабахский конфликт как межгосударственный или как межэтнический, но отнюдь не как эсхатологический, каким он воспринимается или, по крайней мере, публично демонстрируется с позиции радикального армянского политического неоязычества.

Поскольку речь зашла о глубинных архетипических стереотипах национального самосознания этносов, следует обратить внимание еще на одно принципиальное, по нашему мнению, обстоятельство: нагорно-карабахский конфликт несет на себе след исконного семито-арийского противостояния, объективно присутствующего в мировой истории еще с ветхозаветных времен завоевания ареала Ближнего Востока и Северной Африки сначала вавилонянами, а затем римлянами. Причем в настоящее время роль агрессора, в отличие от эпохи четырехтысячелетней давности, играют отнюдь не потомки ариев, а потомки семитов. Если смотреть на современную геополитику именно с такой точки зрения, то вполне определенно можно сказать, что рубеж двух столетий — XX и XIX веков — является временем активизации пассионарности и неизбежно с ней связанной агрессии семитских народов, что наглядно проявляется в перманентных в последние годы беспорядках, создаваемых выходцами из арабских государств в странах Европы и непрекращающихся войнах по всему Ближнему Востоку. Конфликт в Нагорном Карабахе вполне логично вписывается в канву этих геополитических процессов и представляет собой не что иное, как «войну возмездия» семитов-армян против азербайджанцев-ариев, интерес армянского этноса к ведению которой постоянно поощряется (не важно, делается это сознательно или бессознательно) радикальной национальной интеллигенцией через культивирование и активное распространение среди соплеменников, рассеянных в диаспоре, религиозно-эсхатологических идей неоязычества. По крайней мере, именно так это видится с позиции православного человека. Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что современное армяно-азербайджанское противостояние вокруг Нагорного Карабаха, даже в его «тлеющем» виде, представляет собой яркий и наглядный пример классического столкновения двух антагонистических цивилизаций. При этом «линия разлома» между его сторонами более глубокая, а потому — еще более труднопреодолимая, чем чисто религиозная, и пролегает она сразу в пяти плоскостях — межгосударственной, межнациональной, межрелигиозной, межкультурной и межрасовой. Именно поэтому нагорно-карабахский конфликт не похож ни на одну из войн, ранее известных истории человечества.

Доминанты конфликта

Карабахская война 1991—1994 годов и последовавшая за ней «тлеющая фаза» не была межгосударственной войной, поскольку в Нагорном Карабахе против официальных вооруженных формирований и полицейских сил Азербайджана действовали отнюдь не Вооруженные силы Республики Армения, а организованная совокупность местных сепаратистов и международных террористов, в число которых входили как военнослужащие регулярных Объединенных вооруженных сил СНГ армянской национальности, так и наемники из стран Ближнего Востока, Европы и США. По сути, война в Нагорном Карабахе представляла собой интервенцию коалиционных сил армянского Интернационала, или Ай Дата, организующей силой которого выступала АРФ «Дашнакцутюн» в различных ее ипостасях и реинкарнациях, наиболее известной из которых в последней четверти XX столетия являлась пресловутая «Армянская секретная армия освобождения Армении» (ASALA, или Armenian Secret Army for the Liberation of Armenia).

Агрессия международных сил армян против народа Азербайджана в Нагорном Карабахе не являлась и колониальной войной в ее классическом или современном понимании, то есть войной за природные ресурсы или территории проживания. Военная победа в той войне не принесла армянской стороне ни новых источников сырья, ни новых рынков сбыта, не изменила вектора или баланса торгово-экономических отношений (особенно для Армении или самого Нагорного Карабаха, в экономике которых до сих пор господствуют черты феодального натурального хозяйства). Суммарные расходы армянской стороны на оккупацию Нагорного Карабаха и текущее поддержание его военной и административно-хозяйственной инфраструктуры за последние два десятилетия так и не были возмещены инвесторам, не говоря о реализации их надежды на получение прибыли или хотя бы каких-нибудь минимальных дивидендов.

Конфликт в Нагорном Карабахе не является гражданской войной или войной за самоопределение (антиколониальной войной) в традиционном ее понимании. Армянские сепаратисты Арцаха не только не стремятся к обособлению на контролируемой — освобожденной или завоеванной — территории, но и активно развивают свою политическую и экономическую экспансию вглубь Армении и в близлежащие страны традиционного проживания армянской диаспоры (в первую очередь России, Украины, Абхазии). Поэтому для армянской стороны нагорно-карабахский конфликт является составной частью военно-хозяйственной экспансии — своего рода «холодной» колониальной войны — за обретение их этносом геополитического и неразрывно с ним связанного экономического господства не только в Закавказье или в целом на Кавказе, но и во всей Передней Азии.

Победа в Нагорном Карабахе не принесла ни Армении, ни Арцаху никаких внешнеполитических, военно-стратегических или экономических выгод. Более того, международное сообщество в лице институтов ООН считает армян агрессорами, оккупантами и интервентами, что означает гипотетическую возможность применения к Арцаху в настоящем или будущем различных санкций, которых не существовало в практике международных отношений 20-летней давности, когда армяно-азербайджанское противостояние носило характер боевых действий (речь идет о возможности установления бесполетных зон над Арменией и Арцахом или введения эмбарго на поставки оружия или технологий двойного назначения). В любом случае карабахская война с позиций рационализма или пресловутого «здорового смысла» принесла Армении и армянству больше издержек, нежели выгод; приносит сегодня и будет приносить в будущем существенные финансовые потери. Следовательно, для армянской стороны нагорно-карабахский конфликт имеет не военно-экономический, а исключительно политико-идеологический приоритет, а поэтому его можно охарактеризовать в соответствии с терминологией, предложенной Хантингтоном, как «войну идентичностей». Иными словами, она была развязана армянами в интересах армян и ради сохранения национальной идентичности армян.

Армянская идентичность

Армяне сегодня — один из немногих народов, большинство представителей которого проживает вне территории своих государственно-политических образований (мы имеем в виду Республику Армения). Иными словами, численность людей из армянской диаспоры, зачастую не связанных политическими узами гражданства со страной, которую применительно к ним принято называть «исторической родиной», по своей совокупной численности превосходит население этого государства. Несмотря на то что этнографы полагают, будто точную численность армян в мире подсчитать невозможно по причине их диаспоральной дисперсности, тем не менее с точностью до сотни тысяч человек оценить их количество все-таки можно. Думаю, не ошибусь, если скажу, что армян в мире сегодня насчитывается около 11,5 млн человек. При этом в Армении в настоящее время проживает чуть менее 3 млн армян — четверть их общего числа.

Для консолидации этноса, пребывающего преимущественно в рассеянии, необходим внешний объединяющий фактор, в качестве которого выступил именно нагорно-карабахский конфликт. Необходимо помнить те исторические условия, в которых он был развязан: во времена СССР между гражданами советской Армении и их соплеменниками из других стран стоял железный занавес, наличие которого предполагало идеологический раскол между двумя сообществами представителей этого этноса. Армяне в СССР долгие годы жили в соответствии с совершенно иными нравственными ценностями и социальными ориентирами, нежели их соплеменники в Ливане, Сирии, США или Франции. Распад Советского Союза и обретение бывшими советскими армянами вследствие этого своей национальной государственности породили необходимость их быстрее интеграции в мировое армянство, поскольку численность диаспоры традиционно превышала и превышает сегодня численность автохтонного населения суверенной Республики Армения. Армения и диаспора должны были объединиться, и побудительным мотивом для такого объединения стала вооруженная борьба за Арцах, получившая в новейшей истории наименование карабахской войны 1991—1994 годов. Постсоветская Армения с ее слабо развитой хозяйственной и социальной инфраструктурой (во многих районах РА сегодня нет даже водопровода) без Арцаха не могла бы представлять собой объекта интереса для инвесторов из всемирной армянской диаспоры в том объеме, в котором она представляет его сейчас. По сути, карабахская война стала для бывших советских армян (как ереванских, так и карабахских) своего рода пропуском в мировое армянское сообщество. Обладание Арцахом для современной Армении является главным способом (если не смыслом) относительно стабильного и финансово благополучного существования за счет инвестиций или прямых субвенций со стороны диаспоры, а поэтому нагорно-карабахский конфликт в его перманентно «тлеющем» состоянии будет поддерживаться ею максимально долго.

Армения с точки зрения источников формирования государственного бюджета является страной-реципиентом, получателем гарантированной помощи извне. Помимо собственного валового внутреннего продукта главным источником финансового благополучия Республики Армения является регулярная спонсорская помощь системы международных неправительственных армянских организаций, консолидирующих деньги армянской диаспоры для целенаправленной подпитки своей «исторической родины». Ежегодный размер такой подпитки достигает 10 млрд долл. Иными словами, в своем нынешнем виде Армения не является самодостаточным, а поэтому стопроцентно суверенным государством, жизнеспособность ее напрямую зависит от эффективности деятельности и результатов помощи лоббистов его национально-государственных интересов из числа соплеменников, проживающих в других странах мира и являющихся их гражданами. Армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха был бы давно урегулирован в соответствии с принципами международного права, если бы в этом была заинтересована армянская диаспора, точнее, ее финансовая элита. Ей для

этого достаточно было бы прекратить на несколько месяцев финансирование нынешнего политического режима в Ереване. Но ничего подобного даже в форме намека в его адрес никогда не было сделано. Следовательно, существуют какие-то внеэкономические причины, подталкивающие ее на первый взгляд неоправданные траты.

Ответ на вопрос о том, почему вялотекущий нагорно-карабахский конфликт жизненно необходим истеблишменту армянской диаспоры, объясняет причину столь активного и на первый взгляд безрассудного с рационалистической точки зрения сохранения и поддержания этого очага международной напряженности на Кавказе. Истеблишмент армянской диаспоры, по нашему мнению, рассматривает Нагорный Карабах (Арцах) в качестве своеобразного второго Ноева ковчега, который в самом ближайшем будущем физически спасет его в условиях приближающихся глобальных геополитических трансформаций и метаморфоз. Активная исламизация Европы и радикализация политического ислама в Передней Азии или на Балканах, свидетелями которых мы являемся в последние два десятилетия, объективно снижает спектр политического влияния и связанных с ним финансовых возможностей армянской диаспоры в традиционных для нее странах проживания — Сирии, Ливане, Франции, балканских государствах. Снижение численности коренного (титульного) населения ведущих стран Европы, увеличение среди их граждан доли иммигрантов из стран Африки и Азии (главным образом из региона Магриба), исповедующих мусульманство, агрессивное распространение на этом фоне в странах Западной Европы так называемых «либеральных ценностей», против которых активно выступают христианские традиционалисты и исламские фундаменталисты, в ближайшем будущем приведут к обострению всего спектра социальных противоречий, к росту влияния и социально-политической активности последователей «фундаменталистских» религий, к числу которых в первую очередь будут относиться православие и ислам.

Тотальная исламизация стран Западной Европы, которую нам следует ожидать уже через поколение, через каких-то 20 лет, если она произойдет по «боснийскому сценарию», то есть в радикальной форме, что еще в 1918 году Освальд Шпенглер вполне провидчески называл «закатом Европы», приведет к неизбежному и относительно скорому выдавливанию с континента представителей двух традиционно враждебных мусульманам этнических и религиозных меньшинств — армян и евреев. Подобная участь может коснуться и европейских христиан, но им будет открыт путь исхода в Россию (возможно, при условии их субъективной публичной декларации приверженности традиционным христианским ценностям). Евреев всегда примут Израиль или США. Что же касается европейских армян, то местом их исхода могут стать опять же США и Россия, а вместе с ней и Украина, в которых сильно влияние армянской диаспоры, или «второй Ноев ковчег» — Нагорный Карабах, или Арцах. Подобное видение проблемы в целом объясняет и стратегическое по своему характеру финансирование армянской диаспорой через Республику Армения присутствия армян в Карабахе, и строительство в Ханкенди международного аэропорта, способного принимать авиалайнеры большой пассажироместимости, и неуступчивость официального Еревана на переговорах по нагорно-карабахскому урегулированию любого уровня, и появление разного рода информационных провокаций, так или иначе связанных с темой Нагорного Карабаха и армянского присутствия там. Начавшееся переселение армян из Сирии, на которых уже сегодня апробируются и отрабатываются механизмы организации массового исхода, — наглядное тому подтверждение.

Армяне и Арцах

Хантингтон писал, что «войны по линиям разломов проходят через этапы усиления, всплеска, сдерживания, временного прекращения и — изредка — разрешения. Эти процессы обычно последовательны, но часто они накладываются один на другой и могут повторяться. Единожды начавшись, войны по линиям разломов, подобно другим межобщинным конфлик-

там, имеют тенденцию жить собственной жизнью и развиваться по образцу «действие — отклик». Идентичности, которые прежде были множественными и случайными, фокусируются и укореняются; общинные конфликты соответствующим образом получают название «войн идентичностей»⁸. По сути, он намекал на то, что «войны по линиям разломов» — а нагорно-карабахский конфликт относится именно к этой категории — никогда не прекращаются самопроизвольно, поскольку в поддержании если не самой войны, то хотя бы духа или ощущения войны каждая сторона (или одна из сторон) видит выражение своей национальной идентичности. Наиболее открыто и импульсивно процесс демонстрации своей национальной идентичности в контексте нагорно-карабахского конфликта происходит у армян: ни один армянин мира не будет признаваться своими соплеменниками армянином, если будет говорить, что Нагорный Карабах — Арцах, или второй Ноев ковчег армянства — является законной азербайджанской, а не исконной армянской территорией. И это объяснимо: в геополитических реалиях сегодняшнего дня армянам в среднесрочной перспективе ничего другого не остается делать, как верить в Арцах как в Землю обетованную.

В свою очередь, это вызывает необходимость осмыслить психологический аспект отношения армянского этноса к проблеме нагорно-карабахского конфликта. Иными словами, рассмотреть его с точки зрения этнопсихологии.

Многие российские этнографы и мемуаристы, писавшие о Кавказе, в числе первоочередных имманентных черт этнопсихологии закавказских армян указывали их почти патологическую жажду материального обогащения, которая у них, правда, никогда не входила в конфликт с канонами религиозной этики, скупость до скарденности, готовность совершать любые не сопряженные с этнорелигиозным бесчестием действия, если они сулят получение любой, даже самой малой выгоды⁹. Если говорить академическим стилем, то армяне всегда и везде ставили и ставят во главу угла свой частный или своекорыстный интерес — как в отношении отдельных людей, так и в отношении окружающего социума, но только до той поры, пока речь не заходит о совершении действий или поступков, табуированных для них традиционалистскими нормами религиозной этики.

Как мы уже говорили выше, на протяжении столетий эсхатологической идеей, веками объединявшей армянский этнос, была мечта об обретении собственной национальной государственности (не важно, в форме ли возрождения теократического Древнеармянского царства либо через создание буржуазно-республиканской «Великой Армении»). Распад Советского Союза, результатом которого стало образование в том числе и независимой Республики Армения, по сути, лишил армян мира этого иррационального смысла их коллективного национально-религиозного бытия. В конце 1980-х годов армянские боевики из стран Ближнего Востока, Европы и США, пользуясь сумятицей перестроечной поры, массово приезжали в Армению, чтобы воевать за национальную идею все-таки против советских войск, а когда те в Закавказье перестали существовать, то они превратились в ударную силу армянских сепаратистов Нагорного Карабаха. Вместе с тем я отнюдь не хочу утверждать, что армяно-азербайджанский вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе оказался «случайной» войной. Карабахская война 1991—1994 годов стала закономерным следствием естественного умирания этнорелигиозной эсхатологической идеологической доминанты об обретении вновь «Великой Армении» — умирания вследствие ее практической реализации, если хотите, продуктом коллективной рефлексии армян об этом.

Парадоксально, но факт: обретя национальную государственность, армяне, и особенно их мыслящая часть — националистически настроенная интеллигенция, практически одномоментно лишились смысла социального бытия. Стало не о чем мечтать и не для чего жить. Красноречивым примером тому может служить судьба Паруйра Айриkyяна, который в 1970-х годах считался чуть ли ни персоной № 1 в армянском националистическом диссидентстве, но

⁸ Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций. С. 432.

⁹ См., например: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 405—406.

с уходом с исторической сцены Союза ССР, против которого он так истово и искренне боролся, превратился для большинства своих соотечественников в политического маргинала, кем, собственно, был и в советское время. Трагедия этого человека как раз заключается в том, что он, будучи вдохновлен идеей, в реальной жизни был совсем не тем, кем представлялся самому себе, а когда все выяснилось, не смог принять этого. Республика Армения, в одночасье превратившаяся из прекрасной мечты в суровую реальность, породила в умах тех, кто долгие годы жил этой мечтой, интеллектуальный и эмоциональный вакуум. Утрата, говоря языком психологической науки, доминирующей констелляции, или побудительного мотива к деятельности, породила фрустрацию, избавиться от которой могло лишь появление принципиально новой эсхатологической идеи. Ею-то как раз и стала для армян война за Нагорный Карабах, которая предвкушалась ими как триумф после триумфа.

Несмотря на явный военно-технический успех этой кампании, армяне потерпели в ней сокрушительное психологическое поражение, и их наиболее трезвомыслящая часть прекрасно осознает это. На смену созидающей, а поэтому позитивной в своей основе коллективистской идее обретения идеала «Великой Армении» пришла негативная и поэтому бесперспективная идея оборонительной войны на карабахском фронте, а по сути — тоскливая и бесперспективная идея выживания в экстремальных условиях, созданных для себя своими же руками; ситуации, в которой человек сталкивается с обстоятельствами судьбы уже один на один. Она пока сообщает некий смысл жизни ее творцам — армянам среднего и старшего поколения, но абсолютно не воспринимается их детьми и внуками, о чем со всей определенностью говорит содержание контактов молодых армян в социальных сетях.

Нет, молодые армяне в основной своей массе, подобно своим отцам и дедам, являются ревностными националистами, которые даже более истово, чем их предки, делят мир на «своих» и «чужих», буквально упиваясь тем, что армяне теперь живут не только в Передней Азии, Европе или Северной Америке, но уже и в Австралии, Океании, странах Центральной Африки и даже в абсолютно чуждых им по национальному менталитету Японии и Китае. А значит это только одно: современным молодым армянам абсолютно неинтересна их «историческая родина», центром притяжения их субъективного интереса и воплощением мечты стала диаспора. Они больше не связывают субъективные жизненные перспективы с Арменией, ее идеал не привлекает их, молодые умы изучают варианты и возможности ухода в диаспору, их душой уже овладел Агасфер. Маятник исторического процесса начал свое движение в противоположную сторону — армяне устремились в диаспоральное рассеяние, прочь от идеала «Великой Армении», их новейшая дисперсия началась, следствием чего станет достаточно скорое и неизбежное ослабление нынешней Республики Армения. Это произойдет не через год и не через два, но обязательно в среднесрочной перспективе, в ближайшее десятилетие, после чего экономика и политика этой страны окончательно впадут в состояние стагнации — перманентного застоя, сопряженного с падением ранее достигнутого уровня и постепенной утратой былых ценностей.

Армения же, а тем более Карабах, останутся в этом случае для них все тем же далеким нравственным идеалом, который они легко и без угрызений совести променяли на материальный достаток в кварталах своих соплеменников где-нибудь в лос-анджелесских Глендейле или Голливуде, Монтебелло или Бурбанке, канадском Торонто или Монреале, не говоря уж про Юг России, Москву и Санкт-Петербург. Естественно, армянская диаспора, как и прежде, будет собирать деньги на содержание своих соплеменников в Армении и Нагорном Карабахе, часто используя для этого государственные или муниципальные бюджеты стран и областей своего проживания (например, французский департамент О-де-Сен, президентом Главного совета которого является этнический армянин Патрик Деведжян, начиная с 2008 года ежегодно за счет средств французских налогоплательщиков спонсирует развитие коммунальной инфраструктуры в сельской местности Армении). Но это будут своего рода отступные, плата за возможность называть себя армянином, пользоваться сопряженными с этим благами, но не быть при этом гражданином Республики Армения и не проживать на ее территории или в Нагорном Карабахе.

В условиях современной глобализации религиозно-мистическая идея «Великой Армении» уже перестала быть идеологической основой существования армянского этноса в целом и превратилась в идеологию своеобразного закрытого элитарного клуба для тех, кто, обладая властью и деньгами, готов в деловом общении с себе подобными и далее преумножать их, рассуждая при этом на принятые в обществе избранные темы и платя членские взносы. Для существования подобной структуры организованных по этнорелигиозному признаку социально-деловых коммуникаций конфликт в Нагорном Карабахе является обязательным условием. Известно, ничто так не сближает людей, как чувство социальной сопричастности и коллективной ответственности, которое в среде армян вырабатывалось веками практикой уплаты джизьи. Власть исламских, затем российских и советских (для ереванских и карабахских армян) правителей прошла, а практика сбора и распределения средств на общенациональные нужды осталась. Столетия жизни этноса доказали рациональность и жизнеспособность такой традиции, а поэтому отказываться от нее нет оснований. Отчисления на общенациональные нужды подобны балласту, который придает кораблю армян нужную остойчивость в море мировых неурядиц, невзгод и войн. Остается только определить, ради какой цели они собираются?

Деньги армянской диаспоры не могут идти на содержание армян, проживающих в Армении, которые в результате этого превращаются в нахлебников своих иностранных соплеменников. Позволить себе кормить граждан Армении армяне диаспоры не могут, поскольку это претит их имманентному чувству скарденности и своекорыстного интереса. Другое дело — отдать деньги в пользу соплеменников, терпящих нужду по причине войны. В этом смысле нагорно-карабахский конфликт — это своего рода психологический компромисс для армян между чувствами частного и общественного интересов. Для них он объективно необходим, чтобы не менять сложившихся за столетия правил и форм организации общественных отношений в их этнорелигиозной среде. Конфликт в Нагорном Карабахе позволяет армянам мира по-прежнему сознать себя армянами, при этом ничего кардинально не меняя в привычном образе жизни и стереотипе мыслей. Такую же функцию для мирового еврейства выполняет ближневосточный конфликт. Оба этих конфликта позволяют преимущественно диаспоральным народам — армянам и евреям — сохранять и поддерживать внутри своих корпораций чувства национально-религиозного единства и сопричастности, без которых их этнорелигиозное самосознание превратилось бы в прах.

Поэтому когда речь заходит о судьбе карабахских армян, составляющих всего два процента от общей численности мировой армянской диаспоры, следует понимать, что речь идет не о них, а о способе существования армянства в его нынешней форме вообще. Следует понимать, что сегодняшняя Республика Армения — это не центр и даже не точка притяжения армянской диаспоры. Мы уже сравнивали ее с кораблем, и если дальше использовать кораблестроительные термины, то Армения для диаспоры — это балласт, который специально грузят на борт, чтобы придать судну мореходные качества, расчетную осадку и остойчивость, а Карабах, или Арцах, — это кингстон, посредством которого осуществляется взаимосвязь подводной части судна с забортной средой. Иными словами, если организация или человек говорит о Карабахе, подразумевая Арцах, то он считается «другом армян» и может претендовать на их помощь и поддержку; если же он публично высказывает какую-либо иную точку зрения на этот вопрос, его подвергают обструкции и гонениям подобным тем, которым подвергались сами армяне в исламском мире.

Азербайджанская идентичность

Мы достаточно долго говорили о позиции армянской стороны нагорно-карабахского конфликта, обсуждая истоки, побудительные мотивы ее действий, прогнозируя возможные вари-

анты развития событий. В связи с этим возникает вопрос о нашем видении позиции азербайджанской стороны, без ответа на который все сказанное выше не будет отличаться честностью и целостностью.

Карабахская война 1991—1994 годов, безусловно, оказала определяющее влияние на процесс самоидентификации или формирование идентичности (по С.Ф. Хантингтону) современного азербайджанского этноса, следствием чего стало его превращение в полноценную государствообразующую нацию. Однако вместе с тем мы должны сказать, что вектор этого процесса в Азербайджане по своей направленности был отличен от того, который присутствовал в идеологии армян, а также большинства иных народов, обретших в 1990-х годах свою национально-государственную независимость (среди них можно назвать все народы бывшей Югославии, Словакии, Эритреи, стран Центральной Азии, отчасти Судана). В большинстве этих стран (бывшей Югославии, Эритрее, Судане), а также в нагорно-карабахском конфликте с армянской стороны, «войны по линии разломов» стали следствием и зачастую главным результатом национально-религиозной поляризации участвовавших в ней этносов. В Азербайджане же война в Нагорном Карабахе оказала на массовое общественное сознание несколько иное влияние: благодаря ей страна и ее народ обрели национально-государственную идентичность, осознав себя отнюдь не закавказскими мусульманами (как того хотелось бы армянским оппонентам), а именно нацией, сознательно и последовательно формирующей единое полиэтничное государство.

Не вызывает сомнения тот факт, что выбор азербайджанцами как этносом данного вектора институализации своей идентичности был не обусловлен влиянием внешних факторов, сопряженных с войной, а предопределен содержанием и ходом процесса этногенеза азербайджанской нации сначала в составе Российской империи, а затем — Советского Союза, отличительной чертой которого являлась секулярность. Наиболее ярко ее влияние в исторической судьбе азербайджанского народа проявилось в кратковременный (с цивилизационной точки зрения) период существования Азербайджанской Демократической республики 1918—1920 годов, доказавшей возможность и ставшей первым примером светской государственности в исламской ойкумене. Для азербайджанского этноса (в его современном государственно-политическом понимании, традиционно локализованном с географической точки зрения в треугольнике Каспийского моря, Аракса и Большого Кавказского хребта), ислам являлся фактором политической идентичности только в отношении северных и восточных соседей, во внутренней жизни народа он имел более традиционалистский (фоновый), а не идеологический (системообразующий) характер, и именно поэтому процесс собственной самоидентификации азербайджанцев имел глубоко секулярный национально-государственный, а не этнорелигиозный характер.

К слову, Самюэль Хантингтон так и не понял этой — секулярной — особенности идентичности азербайджанского этноса Новейшего времени или не захотел заметить ее, так как она не укладывалась в рамки его концепции «столкновения цивилизаций» в виде «войн по линиям разломов», среди причин которых он отводил определяющую роль религиозному фактору. Вместе с тем нельзя не отметить, что он вполне справедливо указал на этот фактор как на основную движущую силу армянского сепаратизма в Нагорном Карабахе, заметив при этом, что «местные группировки» армян Нагорного Карабаха «являются, в лучшем случае, государствами в зачаточном состоянии»¹⁰. Это замечание Хантингтона вольно или невольно дает ответ на вопрос о том, почему именно неоязычество явилось для нынешних армян Нагорного Карабаха основой их национально-религиозной идентичности: социум, находящийся на родоплеменной стадии своего социального развития, увы, объективно не может воспринять нравственные ценности любой мировой монотеистической религии, будь то христианство, ислам или иудаизм.

¹⁰ Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. С. 444.

Хочет это признавать официальный Баку или нет, но именно карабахская война 1991—1994 годов превратила азербайджанский этнос в нацию. Армянский сепаратизм в Карабахе в самом начале 1990-х годов спровоцировал центробежные тенденции и в иных областях страны, что привело к появлению сепаратистских настроений в районах традиционного проживания лезгин или аварцев и даже к самопровозглашению на юге Тальш-Муганской автономии, причем подобный местечковый сепаратизм отчасти подпитывался традиционными шиитско-суннитскими внутриисламскими противоречиями. В конкретно-исторических условиях того времени для полиэтничного Азербайджана не могло быть и речи о какой-либо единой национально-религиозной идентичности, поэтому, исходя из коллективистского чувства национально-государственного самосохранения, общество взяло курс на обретение гражданско-политической идентичности и единства. В этом смысле жители Азербайджана проявили и показали себя в первую очередь этатистами, а уже затем — секулярными националистами и только в самом конце — мусульманами. Поэтому нагорно-карабахский конфликт не соответствует в полной мере концепции Хантингтона о «столкновении цивилизаций» как о межобщинном и межконфессиональном противостоянии. В нагорно-карабахском конфликте главная линия разлома пролегла между стремлением граждан Азербайджана к сохранению суверенной государственности и стремлением армян к ее разрушению. Раскол произошел по линии размежевания идей государственности и идей анархии, идей цивилизации и идей варварства, в столкновении между которыми тактически выигрывает варварство, но конечная победа остается все-таки за цивилизацией. А поэтому конфликт в Нагорном Карабахе, по сути, для теории С.Ф. Хантингтона является тем самым обязательным исключением, которое подтверждает правило.

Вполне очевидно, что нагорно-карабахский конфликт был навязан Азербайджану извне, со стороны армянского Интернационала, или Ай Дата. Поэтому он был поставлен обстоятельствами в изначально невыгодное положение и все время находился в положении «догоняющего» или «обороняющегося», лишь отвечая на атаки и выпады армянской стороны. Азербайджан в этом конфликте никогда не имел стратегической инициативы, не смог обрести ее и после прекращения активной фазы боевых действий. По нашему мнению, главной причиной этого стал рационалистический подход официального Баку к формам и способам урегулирования последствий конфликта, исходя из принципов и норм международного права и практики дипломатических отношений. Однако используемые им традиционные инструменты и предъявляемые к оппонентам законные требования по соблюдению территориальной целостности государства не получили достаточной поддержки инструментами силы или принуждения, которые международное сообщество так и не решилось применить в отношении армян Нагорного Карабаха и Армении.

Указанные нами доминантные черты азербайджанской национальной идентичности — этатизм и секулярность — позволяют говорить о том, что после возвращения земель Нагорного Карабаха в государственное лоно Азербайджана не случится их произвольной идиосинкразии, то есть отторжения от социального организма страны после стольких десятилетий оккупации. Нация, сумевшая в военное время преодолеть внутренний социально-политический раскол, способна преодолеть и последствия навязанного извне территориального раскола. В отличие от властей Арцаха, Армении и истеблишмента армянской диаспоры официальный Баку точно знает, что он будет делать с возвращенными в состав Азербайджана территориями Нагорного Карабаха и прилегающих к нему оккупированных районов, о чем свидетельствует наличие сформулированных и всесторонне обоснованных планов реинтеграции этих земель в состав страны, которые представляются вполне реализуемыми при наличии у азербайджанского руководства политической воли и достаточных материальных ресурсов¹¹. И первое, и второе у него, похоже, имеется в достаточном количестве.

¹¹ См.: Музаффарли Н., Исмаилов Э. Концептуальные основы восстановления постконфликтных территорий Азербайджана. Баку: Кавказ, 2010; Muzaffarly N., Ismailov E. Basic Principles for the Rehabilitation of Azerbaijan Post-Conflict Territories. Stockholm: CA&CC Press, 2010.

Анализ содержания указанных планов позволяет говорить о том, что реинтеграция области нагорно-карабахского конфликта в государственную и общественную жизнь страны будет происходить отнюдь не на тех политических принципах, которые официальный Баку иногда позволяет себе декларировать в целях создания благоприятного, с позиций либерализма, имиджа на международной арене. После возвращения земель Нагорного Карабаха их экономическое, социальное, административное и гуманитарное обустройство будет происходить опять же на принципах этатизма и секулярности, что исключит в будущем для армянского этнического меньшинства любую возможность какой бы то ни было автономии, даже национально-культурной. Впрочем, такую модель развития событий вряд ли можно будет считать антиармянской, поскольку она в полной мере соответствует нынешнему характеру политического режима Азербайджана, который на все 100% сформировался в условиях и под влиянием последствий Карабахской войны 1991—1994 годов, сегодня толерантно называемой нагорно-карабахским конфликтом.

Перспективы нагорно-карабахского урегулирования

Любое затягивание конфликта ведет к поляризации идентичности сторон и эскалации противоречий. С. Хантингтон писал об этом: «По мере нарастания насилия, поставленные на карту первоначальные проблемы обычно подвергаются переоценке исключительно в терминах «мы» против «них», группа сплачивается все сильнее и убеждения крепнут. Политические лидеры активизируют призывы к этнической и религиозной лояльности, и цивилизационное самосознание укрепляется по отношению к другим идентичностям. Возникает «динамика ненависти», сравнимая с «дилеммой безопасности» в международных отношениях, в которой взаимные опасения, недоверие и ненависть подпитывают друг друга. Каждая сторона, сгущая краски, драматизирует и преувеличивает различие между силами добра и зла и в конечном счете пытается превратить это различие в основополагающее различие между живыми и мертвыми»¹². От себя добавим, что в конечном счете линия фронта любой затяжной войны неизбежно превращается в границу, которая затем переносится на политическую карту мира (примером этого может служить государственно-политическое разделение Корейского полуострова по 38-й параллели на Север и Юг, начало которому было положено еще в 1895 г.).

Резюмируя сказанное, мы с полным основанием можем сделать вывод, что нагорно-карабахский конфликт в его нынешнем виде и состоянии нужен исключительно армянам и никому более. Карабах для них, в отличие от азербайджанцев, — это не территория (они там не живут) и не источник материальных благ (в эту область спонсируются деньги без надежды на их возвращение). Карабах, а точнее Арцах, для них — это очередная реинкарнация метафизической легенды о «Великой Армении», копия с несуществующего оригинала, она же — симулякр, новый семиотический знак, позволяющий разделить изменившийся в последние десятилетия мир на сторонников и противников, но на этот раз уже не Армении, а Арцаха. Не будет Арцаха — не будет Армении, не будет Армении — не будет армянской диаспоры в ее нынешнем виде. Этот факт нужно понимать предельно четко и откровенно. Из этого может быть сделан только один вывод: какие бы усилия не прикладывал Азербайджан, какие бы действия не предпринимали международные посредники из Минской группы ОБСЕ по мирному урегулированию нагорно-карабахского конфликта, его возвращение в состояние *status ante bellum* принципиально невозможно. И для армян, и для азербайджанцев решение этой территориаль-

¹² Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. С. 432—433.

ной и военно-политической проблемы возможно только в формате «или все, или ничего». Как говорили древние латиняне, *tertium non datur* — третьего не дано. И чем дольше будет длиться режим оккупации армянской стороной Нагорного Карабаха, тем меньше шансов будет у официального Баку вернуть его под свою не только фактическую, но и формальную юрисдикцию исключительно мирными средствами. Известные истории способы «относительно мягкого» решения подобных геополитических проблем, примерами которых могут являться мандаты Лиги Наций или аншлюс, в отношении Нагорного Карабаха не будут иметь достаточной эффективности и легитимности...

Мы уже писали о том, что цивилизационная линия разлома между враждующими сторонами в этом локальном конфликте в современных планетарных масштабах самая глубокая и имеющая самые острые края. Именно таким может быть тупик гуманитарного развития человечества.

Руслан КУРБАНОВ

*Кандидат политических наук
старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН
(Москва, Российская Федерация).*

ВОЗРОЖДЕНИЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ В СВЕТЕ ИЗДЕРЖЕК ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА «ИСЛАМСКОМ НАПРАВЛЕНИИ»

Резюме

В статье рассматриваются разные стороны сложного и многоаспектного процесса активизации так называемого исламского возрождения в регионе Северного Кавказа. Имен-

но в контексте этого взрывного пробуждения ислама на Кавказе автор предлагает свое видение проблемы отражения в сознании мусульман региона фактора исламского глобализма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *исламское возрождение, исламский глобализм, ислам на Северном Кавказе, российское исламское сообщество.*